

Отзыв официального оппонента
на диссертацию **Хитрова Дмитрия Алексеевича**

«Губернская реформа Екатерины II: изменение внутренних границ и организация пространства государства», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1.

Отечественная история

Диссертация Дмитрия Алексеевича Хитрова посвящена важной и актуальной теме: по сути дела, административно-территориальные границы, определенные Екатериной II в ходе губернской реформы, и до сих пор оказывают свое воздействие на судьбу отдельных российских регионов, и, кроме того, являются важным звеном в цепи административно-территориальных преобразований в России, без которого трудно понять их внутреннюю логику и даже современные очертания некоторых административных границ. Невозможно не согласиться с автором и в том, что губернская реформа Екатерины II «оказала сильное влияние на социальный строй, городскую и дорожную сети, а опосредованно – на экономические связи, демографию, культуру и быт» (с. 11), последствия чего в той или иной степени сказываются и в настоящее время.

Но прежде чем оценивать реформу (точнее говоря, новое административное деление России, ставшее ее результатом), надо иметь объективную и детальную картину этого деления, которая отсутствовала до настоящего времени. Любая серьезная работа должна строиться на серьезном фундаменте объективно установленных и выверенных научных фактов, и исследование Д.А. Хитрова в первую очередь создает такой фундамент.

Прежде всего в виде двух карт, реконструирующих картину административно-территориального деления России до и после реформы, позволяющих объективно судить о тех переменах, которые происходят в административно-территориальном делении России в результате реформы. Автор вполне разумно и обоснованно ограничивает географические рамки

исследования основной частью территории Европейской России, ее бывшими десятию «внутренними» губерниями, на которых существовала уездная система, и не рассматривает окраинные регионы с значительными остатками автономии, где реформа проходила по несколько иным сценариям.

Логика работы автора над картами понятна и вполне обоснована – чтобы получить сопоставимые карты, он начинает с создания более поздней карты пореформенного деления, лучше привязанной к основанным на инструментальной съемке «геометрическим» картам, а затем на ее основе строит «дореформенную» карту 1770 г. (с. 16).

Карты – одна из главных заслуг диссертанта.

Карты – результат огромной «черной» работы, которая составляет основу любого серьезного научного исследования, – работы, проделанной на основе анализа очень широкого круга источников, прежде всего архивных (автором в разной степени исследовано 629 ед. хр. из 27 архивных и библиотечных фондов (т. 1, с. 26)), несмотря на серьезные трудности в поиске и копировании картографических материалов).

Естественно, что это источники прежде всего картографические – автором исследованы и проанализированы обширные и многочисленные коллекции картографических материалов не только в отечественных, но и в зарубежных архивах (в частности парижские коллекции карт, вывезенных из России Ж.-Н. Делилем – т. 1, с. 72-74). Автором в источниковедческом обзоре, сделанном в первой главе работы (т. 1, с. 69 - 124), не только дана общая сводка картографических источников (от «ландкарт» до картографических материалов, возникших в результате Генерального межевания), но и оценена информативная пригодность каждой карты или группы карт для решения конкретных исследовательских задач (более подробно и детально по отдельным картам – в гл. 5, реконструирующей пореформенное административное деление). Жаль, что автор не указал общего числа карт, использованного им при подготовке исследования – оно явно выглядело бы весьма впечатляюще. Д.А. Хитровым сделаны и

необходимые обобщения этого картографического материала – так, на с. 79-80 тома 1 приведены сводные карты, показывающая покрытие исследованной территории России «ландкартами» первой половины XVIII века.

В случае неизбежных лакун в виде отсутствия более-менее достоверных карт автор прибегает к еще более сложному методу определения границ и территории уездов – нанесению на карту сложной сети поселений на основе информации, извлеченной из материалов переписей (прежде всего трех первых ревизий). Это еще более трудоемкая задача, предполагающая локализацию (и сложную проверку локализации) нередко сменивших свои названия поселений на современной географической карте (Т. 2, с. 6-11), но и с ней Д.А. Хитров справляется довольно успешно.

Не менее сложной задачей является привязка всех этих материалов к современным ГИС-системам – об общем объеме этой грандиозной работы говорит тот факт, что в конечном счете это потребовало от автора нанесения на карту 1,5 миллионов точек (с. 18).

Таким образом, сами эти две фундаментальные карты становятся очень серьезным вкладом автора в историческую науку и представляют собой огромную ценность, создавая мощный потенциал для дальнейших исследований (в том числе региональных, из мозаики которых в перспективе можно будет сформировать более детализированную общую картину происходивших в XVII и XVIII веках процессов в самых разных сферах жизни тогдашнего российского общества). Карты позволяют решить и еще одну важную задачу – преодолеть разрыв, сформировавшийся в результате нечетких представлений о соотношении единиц прежнего и нового административно-территориального деления, который был серьезным препятствием для историков, занимающихся этим периодом. Они позволяют дать более корректную картину динамики экономических, демографических и социальных процессов на сопоставимых территориях (что, конечно, потребует от исследователей серьезных усилий и труда – но карты предоставляют для этого реальную возможность). Карты, несомненно,

должны дать серьезный толчок региональным исследованиям, возможности которых часто ограничиваются незнанием местных территориальных границ и принадлежности (а зачастую – и точной локализации) тех или иных поселений.

Но научная значимость диссертации не ограничивается только составлением карт. Не менее важен их анализ и интерпретация полученных данных Д.А. Хитровым. Карты для него – это только основа для осмысления целого ряда важных аспектов исторического процесса.

Свой научный анализ он начинает с использования данных первой карты, характеризующей дореформенное деление России.

Структура диссертации, поделенной на 6 глав, вполне целесообразна и полностью соответствует задачам исследования – дав в первой обширной главе (т. 1, с. 29-124) подробную и почти исчерпывающую характеристику историографии и источников, автор в следующих двух группах глав реконструирует и анализирует дореформенное (гл. 2-4) и пореформенное административное деление России, а также особенности самого процесса проведения реформы (гл. 5-6). Даже сама организация его труда, поделенного на три тома, ориентирована на удобство работы читателя с «бумажной» версией диссертации, позволяя ему легко сопоставлять материалы «дореформенного» (т. 2) и «пореформенного» (т. 3) деления по отдельным регионам и уездам.

Несомненную ценность представляет уже анализ дореформенного административного деления России. Представляется, что сделанные Д.А. Хитровым здесь наблюдения и выводы не менее важны, чем анализ итогов екатерининской реформы.

Автор в конечном счете приходит к выводу о консервативности этого административно-территориального деления и о том, что в основе его лежала сформировавшаяся в XVI – первой половине XVII вв. уездная система, существенно не поменявшаяся даже в XVIII в., получив в ходе петровских реформ лишь «надстройку» в виде губерний и провинций, объединивших

уезды в рамках более крупных административных единиц (несомненно, облегчавших управление обширными территориями России).

Это заставляет его во второй главе («Уезды и городская сеть накануне реформы») обратиться к анализу понятий, связанных с уездным делением России и некоторых аспектов истории самой уездной системы. Д.А. Хитров на конкретном материале проверяет ряд исследовательских гипотез, высказанных в историографии, и приходит к выводу, что уезд – это не просто административный центр с воеводской властью (хотя построенная им на с. 131-142 1-го тома таблица показывает высокую степень корреляции уездов с воеводствами (84,3% из почти 200 учтенных уездных центров)), а прежде всего территория с определенными границами, совмещающая в себе функции административной единицы, налогового и, по сути дела, кадастрового округа, в рамках которого фиксировались Поместным приказом и Вотчинной коллегией земельные права членов бывших местных уездных корпораций и иных землевладельцев на уездной территории (т. 1, с. 148-149). Город в современном смысле этого слова (т.е. как центр ремесла и торговли, что ассоциировалось прежде всего с наличием посада) вовсе не осмыслялся так современниками: «наличие посада отнюдь не воспринималось в то время как необходимый признак города», поскольку как минимум в 63 уездных центрах посадов не было (т. 1, с. 147); равно как далеко не везде уездные центры считались городами (в ряде случаев их роль, например, выполняли владельческие села). Поэтому, как и в XVII в., даже по второй и третьей ревизиям «город» все еще часто не отделялся от «уезда», почти сливаясь с ним в одно понятие (т. 1, с. 147). Еще одним важным наблюдением Д.А. Хитрова является то, что он на конкретном картографическом материале пересматривает сложившееся (в т.ч. и под влиянием работ Я.Е. Водарского) представление, что уезды не имели определенных границ, и приходит к выводу, что эти границы были и довольно четко осознавались населением и администрацией (т. 1, с. 162).

Это позволяет ему реконструировать конкретные границы уездов к 1770 г., сгруппированных по губерниям и провинциям, что составляет содержание наиболее обширной третьей главы, где эти границы характеризуются и обосновываются (т. 2. С. 1-273). Не исключено, что здесь могут быть некоторые «шероховатости» в деталях, вызванные сложностью материала и огромным объемом исследовательских задач, но сама реконструкция в целом представляется достаточно убедительной, и, кроме того, позволяет автору перейти к интерпретации полученных данных.

В четвертой главе («Характеристики системы административного деления накануне реформы») определение границ дореформенных уездов позволяет Д.А. Хитрову построить целый ряд весьма ценных таблиц и «исследовательских» карт, обобщающих материал предыдущей главы и определяющих выводы автора.

Значительную ценность имеет уже таблица 1 (т. 2, с. 274-283), позволяющая оценить размеры уездов по их площади и величине населения: во-первых, подобного рода сведения отсутствуют в историографии и таблица является новаторской (тем более, что она построена на строгой привязке границ к современным ГИС-системам, позволяющей получить достоверные, а не оценочные величины площадей); во-вторых, таблица послужит первоклассным материалом для региональных исследователей, позволяя им ранжировать уезды как внутри собственного региона, так и в общероссийском контексте и попытаться найти объяснение этому в конкретном ходе исторического процесса в своем регионе.

Не меньшую ценность имеет и построенная на ее основе сводная карта (т. 2, с. 284, карта 1), позволяющая оценить поуездную плотность населения и величину уездов в масштабах территории всей Европейской России. Она позволяет автору сделать ряд важных обобщающих выводов: в частности, о том, что 1) уездная система отличалась серьезной диспропорциональностью и огромной вариативностью по территории и численности населения уездов (9 из которых, расположенные на малонаселенных окраинах, занимали

половину территории, а половина населения проживала менее, чем в 1/5 уездов (всего в 37 из 223) (т. 2, с. 283-285)), а также о том, что 2) в XVIII в. существенно растет плотность населения в южных черноземных уездах, отражая процесс активной колонизации Юга, в то время как вовсе не наблюдается заметного смещения населения к северу.

Автор, применяя статистические методы, разрушает сложившееся представление о слишком большой чересполосице уездов, используя такой показатель, как коэффициент изрезанности, который в большинстве уездов не является столь уж значительным (сопровождая это опять-таки обобщающей «исследовательской» картой (т. 2, с. 288)). Еще одним показателем становится наличие анклавов одного уезда в другом (тоже отмеченное на этой карте), наличествующих лишь в 13% уездов (29 из 223). Автор дает описание этих анклавов – но, естественно, не может детально объяснить их происхождение, ибо это требует сложных и детальных региональных исследований по отдельным уездам.

Он тем самым ставит перед региональными исследователями важную исследовательскую задачу (тем более, что они зачастую даже не имеют четкого представления о наличии этих анклавов в своих регионах или не обращают на это внимания), которая может дать весьма плодотворные результаты. Могу проиллюстрировать это на собственном примере – обнаружение Д.А. Хитровым анклава Добровского в Лебедянском уезде (ранее относимого Я.Е. Водарским к Ефремовскому) при более детальном знакомстве с историей заселения и формирования уезда (выделенного со строительством Белгородской черты из «большого» Лебедянского) находит объяснение в наличии там уже в 1616-1628 гг. в зоне военно-служилого заселения частновладельческого анклава, связанного с основным землевладением этих лиц в районе Доброго, который и оформился позднее в анклав Добровского уезда внутри Лебедянского. Так что восстановление автором реальной картины уездных границ на 1770 г. одновременно создает плодотворную почву и для ретроспективных исследований.

Более того – этот эпизод подтверждает сделанный далее вывод автора, что уездные границы на протяжении XVII-XVIII вв. были достаточно устойчивы и почти не менялись в XVIII в. Д.А. Хитров обосновывает его, сопоставляя построенную на основе данных 1670-х гг. карту, созданную в свое время коллективом Я.Е. Водарского (к результатам деятельности которого, несмотря на отдельные критические замечания, он относится с огромным уважением) с собственной картой административного деления на 1770 г. (т. 2, с. 293-301), и приходит к выводу, что, при незначительных расхождениях, они в основном совпадают, «и уездная структура, существовавшая в 1770 г., восходила к допетровскому времени» (т. 2, с. 302).

Таким образом, реконструированная автором картина административного деления на 1770 г. открывает огромные возможности для ретроспективного анализа процессов, уходящих по меньшей мере в середину и даже начало XVII в., что придает дополнительную значимость его диссертации.

К этому ретроспективному анализу активно обращается и сам диссертант, выявляя в истории развития уездной системы в предшествующие два века основные тенденции, объясняющие картину уездных границ, сложившуюся к 1770 г. Безусловный интерес, в частности, вызывает его характеристика развития центрально-черноземных уездов, тесно связанная с историей освоения южных регионов – он выделяет две полосы мелких уездов, сложившихся вокруг крепостей по линиям «старых» засечных черт 1560-х гг. и Белгородской черты 1630-х - 1650-х гг., между которыми располагается полоса более обширных уездов, связанных с более редкими городами-крепостями на «третьей линии обороны», сложившейся в 1580-е - 1590-е гг. (т. 2, с. 309-316). Не менее интересно и его наблюдение, что выделение последней по времени волны уездов из старых сопровождалось активной борьбой за размежевание территорий, осложненной фактором украинской колонизации на территории Слобожанщины. Это привело к значительной чересполосице на территориях этой группы уездов, и «пестрая

и противоречивая картина административного деления Черноземья, которую мы наблюдаем в середине XVIII в., несет в себе большой объем исторической памяти о событиях XVI-XVII вв., времени первоначального освоения этих территорий», а «ее общие очертания заданы расположением крепостей, возникших в ходе вооруженной борьбы за эти земли» (т. 2, с. 317-318). Мы не останавливаемся здесь подробно на его объяснениях тенденций развития других регионов, но и они заслуживают серьезного внимания. Возможно, какие-то его наблюдения будут откорректированы при более детальном региональных исследованиях, но представляется, что основные тенденции в целом выявлены верно.

В этой же главе автор останавливается и на «надстройке» над уездной системой – на картине сложившегося к кануну реформы губернского и провинциального деления России.

В построенной им сводной таблице (т. 2, с. 325-326) обретает «плоть» провинциальное деление России (на которое обычно не обращается должного внимания) – мы видим четкую картину провинций не только по величине населения, но и по реальной площади их территорий. Введенные в таблицу дополнительные показатели (доля центрального уезда в провинции по населению и по территории) позволяют оценить структуру провинциальных «ядер», а сделанные автором статистические расчеты приводят его к выводу, что провинции, несмотря на большую унифицированность по величине, чем уезды, также отличались значительными диспропорциями в размерах и населении (т. 2, с. 327), и провинции, которые, возможно, могли послужить какой-то предпосылкой нового губернского деления, не могли стать поэтому его основой. Наблюдения Д.А. Хитрова, что при образовании провинций возникла значительная чересполосица, что некоторые уезды, входящие в них, не имели общих границ, а состав провинций не отражал исторических связей между отдельными уездами (т. 2, с. 327-329), равно как и то, что губернии были еще более разнородны и диспропорциональны, чем провинции, заставляют еще

раз задуматься над принципами и замыслами петровских административных реформ (как губернской, так и провинциальной), и, возможно, вновь и более внимательно обратиться к их истории.

Вместе с тем, утверждение автора, что петровская модель губернской реформы «первоначально ... была основана на противопоставлении внутренних районов страны ее военным окраинам» (т. 2, с. 331) представляется нам спорным, и, пожалуй, излишне категоричным.

Столь подробный анализ четвертой главы (которого мы постараемся избежать в оценке последующих во избежание излишней перегруженности текста отзыва) позволяет нам наглядно продемонстрировать достоинства работы и показать, что за сухими строками объяснений конкретных реалий, многочисленными таблицами и еще более многочисленными конкретными уездными и обобщающими «исследовательскими» картами кроется масса серьезных авторских размышлений, наблюдений и выводов, многие из которых будут оценены только в перспективе – не говоря о том, что сами эти карты и таблицы имеют самостоятельную ценность и значение как база и отправная точка для множества конкретных исторических исследований, и, кроме того, служат мощным толчком к постановке целого ряда исследовательских проблем (что иногда даже важнее полученного самим автором результата). Таким образом, даже, казалось бы, «подготовительная» часть диссертационного исследования, имеет весьма серьезное научное значение.

Последняя группа глав (главы 5-6), составившая третий том диссертационного исследования, посвящена анализу самой реформы и того административно-территориального деления страны, которое возникло в ее результате.

В пятой главе (т. 3, с. 2-157) автор последовательно, по каждому наместничеству, следуя очередности их создания, анализирует процесс формирования их территории, административных границ новых уездов, сопоставляя их со старыми и создавая обширный массив карт наместничеств,

новых уездных карт и статистических таблиц, на которых наглядно видно, как формировалась территория новых уездов и как они соотносились со старыми. Автор в текстовой части детально характеризует все происшедшие изменения и делает выводы об общем процессе перемен в наместничестве, используя объективные показатели – количество видоизмененных фрагментов, процентное соотношение старой и новой территорий в рамках наместничества и уезда, степень сохранности «ядер» старых уездов, соответствие новых наместничеств и уездов определенным реформой нормам по их населению, что позволяет объективно сопоставлять результаты реформы по разным наместничествам. Более того – в процессе этого анализируется деятельность конкретных наместников по формированию и размежеванию территории собственного наместничества, демонстрируются ее особенности, связанные как с личностью самого администратора, так и с особенностями конкретного региона; показываются основные этапы проведения реформы, ее коррекция с учетом первоначально полученного опыта. Все это, с одной стороны, является наглядным выражением колоссальной работы, проделанной автором почти по трем десяткам наместничеств, а с другой – не менее наглядно демонстрирует масштабный характер самой реформы, растянувшейся на десять лет (25 ноября 1775 – 5 мая 1785 г.), потраченных только на формирование наместничеств (что не всегда осознается даже историками екатерининской эпохи).

Итоги реформы подводятся и осмысливаются Д.А. Хитровым в «аналитической» 6-й главе исследования.

Следует отметить, что сама генерализация данных по столь значительному количеству разнородных объектов является непростой задачей, но диссертант успешно справляется с ней благодаря картографированию и статистической обработке данных на единообразных объективных показателях.

В итоге он, во-первых, обращает внимание на целый ряд «процедурных» моментов, связанных с реформой, и разрушает ряд

стереотипов, сложившихся в предшествующей историографии – в частности, тот, что наместничество выходит за рамки отдельной губернии и объединяет несколько губерний, порожденный сосредоточением функций управления несколькими наместничествами в руках одного администратора. Он наглядно (в том числе и на картах) показывает, как эти администраторы перемещались в пространстве, организуя одно наместничество за другим, а также меняя наместничества по новому расписанию 1781 г., и поэтому «территории, подвластные наместникам, не составляли постоянных единиц» (т. 3, с. 161), а само наместничество фактически было эквивалентно губернии. Второй стереотип – представления о том, что наместники принадлежали к «ближнему кругу» императрицы – тоже ставится им под сомнение, потому что в их числе он не обнаруживает значительного числа лиц, близких императрице, и даже целый ряд персонажей, находящихся в полуопале (как, например, один из инициаторов реформы Я.И. Сиверс) (т. 3, с. 158-161).

Анализируя сами итоги реформы, он приходит к выводу, что наместничества имели своей предпосылкой провинции, но в целом были крупнее их (27 губерний возникли на месте 39 провинций), что привело к разукрупнению и ликвидации ряда провинций, хотя упраздняемые провинции занимали лишь 11% территории (т. 3, с. 167).

Задаваясь вопросом о том, насколько заранее определенные принципы реформы были проведены на практике, Д.А. Хитров приходит к выводу, что при их в целом формально довольно строгом соблюдении и среднем числе населения наместничества в 349 тыс. чел., почти идеально соответствовавшем замыслу Екатерины, географические и демографические реалии в целом ряде случаев заставили отступить от нормы. Наиболее наглядно это продемонстрировано им на примере обширных и малозаселенных северных территорий: попытка включить Архангельскую и Олонецкую провинции в виде особых областей в Петербургскую губернию с значительно удаленным от них центром в конце концов привели на излете реформы в 1784 г. к превращению их в самостоятельные наместничества с

явно недостаточным населением, а окраинная Астраханская губерния, выделенная в 1790 г. из Кавказского наместничества, была еще менее населена (т. 3, с. 163-165). Вместе с тем, в центральных областях норма населения систематически превышалась, и на их базе можно было бы выделить еще одно наместничество (там же, с. 166).

Автор снова строит «исследовательскую» карту перераспределения территорий в ходе реформы и обобщающую аналитическую таблицу, учитывающую долю «головной» провинции в территории наместничества (т. 3, с. 168-179, карта 4, таблица 1), и показывает, что наместничества возникли на основе таких провинций, к которым «прибавлялись» или «отчислялись» до нужной нормы ревизские души с территориями соседних провинций. Это привело к сложному перераспределению территорий провинций в новых губерниях, из которых только одна (Московская) возникла целиком на основе «старой» провинции (т. 3, с. 172), а целый ряд провинций, как уже отмечалось, был расформирован. Но перераспределение не было произвольным, и на многих участках внутренних границ наместничеств (очередная «исследовательская» карта 3 на с. 174 тома 3) сохранились границы старых провинций, тогда как «внешние» границы наместничеств с соседними государствами или территориями с полуавтономным статусом остались неизменными (с. 177). Д.А. Хитров отмечает также, что, несмотря на требование соблюдения формальных норм, в ходе реформы не разбивались территории автономий и полуавтономий на окраинах (Лифляндской, Эстляндской, Выборгской губ-й, Малороссии), не происходило обмена территорий с Новороссией и Землей войска Донского (т. 3, с. 176-177), а территории «внутренних» полуавтономий стремились по возможности целиком («на отошедших к Казани и Перми территориях Уфимской провинции не сохранилось башкирского землевладения» - с. 175-176) или большими частями включать в наместничества. Так что новое губернское деление не было механической нарезкой, а стремилось учесть и сохранить особенности регионов.

Гораздо сильнее, с точки зрения Д.А. Хитрова, при перераспределении территорий изменились территории уездов – здесь более определенно проводились формальные нормы, но и на уровне уезда существовали отклонения от них – как на малозаселенных окраинах, так и в центре в случае ошибок наместников или в уездах с крупными городами. По справедливому наблюдению Д.А. Хитрова, модель, положенная в основу реформы, была ориентирована на аграрное общество и нередко нарушалась при столкновении с процессом начавшейся урбанизации. Вместе с тем, почти две трети территорий (65%) остались приписанными к своим прежним центрам или же к вновь созданным в пределах старого уезда городам (т. 3, с. 180), но в целом уездные границы претерпели сильнейшие изменения, и «на местном уровне территориальные связи были разорваны сильнее, чем на региональном» (т. 3, с. 181).

Д.А. Хитров ставит вопрос и о судьбе внутреннего (традиционного станно-волостного) деления уездов. Несмотря на то, что решение этой проблемы не так просто (становые границы почти не картографированы), диссертант анализирует почти полтора десятка уездов из самых разных регионов, где эти границы можно так или иначе выявить. Он приходит к выводу, что границы станов никак не учитывались, и «станово-волостное деление, в отличие от уездного, совершенно не принималось во внимание при проведении екатерининской административной реформы» (т. 3, с. 195), поскольку уже во второй половине XVII и в XVIII в. оно не имело «ни фискального, ни административного значения» (т. 3, с. 183), а потому окончательно умерло в ходе реформы.

Гораздо сильнее, по его мнению, административная реформа Екатерины II опиралась и повлияла на городскую сеть, где произошли очень серьезные изменения – появилось 145 новых (почти половина существовавших после реформы 300 городов) и исчезли 45 старых, а город окончательно стал рассматриваться прежде всего как уездный центр. Здесь опять имеют самостоятельное и важное для науки значение построенные им

«исследовательские» карты новых и упраздненных городов (т. 3, карта 1 на с. 197 и карта 2 на с. 199), которые позволяют наглядно представить сводную картину пространственных изменений в городской сети. Анализ ее автором приводит его к выводу, что новые города создавались только в том случае, если была потребность, вызванная логикой реформы, а также, что в число их вошли уездные центры, которые до реформы не именовались городами. Оценка пространственной сети не столь уж многочисленных упраздненных городов приводит диссертанта к выводу, что упразднение вовсе не было результатом прихоти – фактически 31 из 45 упраздненных городов были в основном сосредоточенными всего в трех регионах пограничными крепостями («пригородами» Пскова (11), крепостями на Белгородской (17) и «старой» (3 – Дедилов, Гремячев и Печерники) засечных чертах), образовавшими (как это было видно в первой части исследования) слишком маленькие уезды, теперь упраздненные и объединенные в более крупные (т. 3, с. 198-199).

Таким образом, две части работы содержат огромный объем конкретного материала, характеризующего изначальное состояние и особенности процесса изменения административно-территориального устройства России в ходе губернской реформы Екатерины II в последней четверти XVIII в. Сводки этого материала и сделанные по результатам их выводы и наблюдения автора, опирающиеся на математические методы картографической и статистической обработки данных, открывают множество новых граней в понимании принципов и особенностей административно-территориального деления России, плохо известных до сего времени, что, несомненно, обуславливает высокую ценность исследования. На основе анализа этого материала автор приходит к выводу, что «существовавшая до реформы система административного деления была заменена новой, созданной на иных принципах» (т. 3, с. 204). Конечно, этот вывод вроде бы известен, и напрашивается сам собой по законодательным памятникам – но мы знаем, как существенно порой на практике отличается

полученное от задуманного, и по сути, только детальный анализ практических результатов реформы со всеми ее региональными отклонениями от заданных принципов, проделанный диссертантом, убеждает нас в этом.

Вместе с тем, во вводной и финальной части своего исследования Д.А. Хитров выходит на более глобальный уровень анализа и обобщения.

Анализируя екатерининскую реформу в общем контексте развития административно-территориальных структур Европы аналогичного времени, он приходит к выводу, что, несмотря на более значительное влияние идей Просвещения в Европе, она в конечном счете оказалась во многом уникальна, что в Европе идеи подобных реформ наталкивались на ожесточенное сопротивление местных территориальных корпораций и в конечном счете так и не были реализованы (если не считать Великой Французской революции, перекроившей в том числе и административное деление, что вызвало долгое и серьезное противодействие во французском обществе) (т. 1, с. 19-20).

Причины успеха екатерининской реформы он видит в процессах предшествующего социального и административно-территориального развития России, приходя здесь к глубоким, оригинальным и интересным выводам.

С его точки зрения, реформа была успешно реализована по двум основным причинам: поскольку 1) не затрагивала жизненных интересов сословий и 2) не встретила сопротивления фактически отсутствующих в тот момент местных территориальных дворянских корпораций, основательно разрушенных петровскими реформами.

Первое, по его мнению, объяснялось тем, что в ходе предшествующего развития России происходило известное выравнивание принципов налогообложения на основах «податной справедливости» – «унификация служб и тягол», которые почти не зависели от принадлежности к территориальной корпорации. Кроме того, контроль, учет и фиксация прав

землевладения были сосредоточены не на местах, а в Поместном приказе в центре страны; в России раньше, чем в Западной Европе, исчез налоговый иммунитет крупных церковных и светских землевладельцев; местное управление, осуществляемое посылаемыми из центра воеводами, не зависело от территориальных корпораций и часто было прямо враждебно им; аристократия оторвалась от территориальных корпораций и утратила общие интересы с ними (т. 3, с. 207-209). Поэтому «в налоговом и правовом отношении пространство центральных губерний империи было к последней четверти в значительной степени единым, и переход имения, посадской, служилой или крестьянской общины в другой уезд не приводил к изменениям в объеме повинностей и не ставил под угрозу владельческие права; объем прав купца и его возможности для развития торгового дела также зависели не от его принадлежности к той или иной городской общине, а от его капиталов и профессиональных качеств. Права и обязанности, служебные и деловые перспективы представителя того или иного сословия все в большей степени определялись и обеспечивались *государственной политикой, а не принадлежностью к той или иной корпорации*» (т. 3, с. 209). Поэтому губернская реформа не встретила сопротивления и в конечном счете оказалась направлена «на создание единого социального пространства, на преодоление областной обособленности. Она не дробила русские сословия на территориальные сообщества, а, наоборот, способствовала их окончательной консолидации», и в конечном счете решала «единственный вопрос – рациональной и удобной организации местной власти» (т. 3, с. 209).

С точки зрения автора, сложившаяся традиционным путем уездная система, унаследованная от XVII в., была далеко не идеальна, и «местный уровень администрации долгое время был слабым звеном в системе управления государством». Из-за разнородности уездов, всевластия воевод и их конфликтов с местными сообществами масса дел, не решенных на месте, переносилась в столицу, перегружая центральные учреждения (с. 210), что требовало иной организации местной власти.

Вторую причину Д.А. Хитров видит в исчезновении тех структур, которые могли бы оказать сопротивление – в ликвидации замкнутости территориальных сообществ и в постепенном угасании на рубеже XVII-XVIII вв. военно-служилых корпораций, чему способствовал «массовый переход верхушки служилых городов в состав государева двора и одновременно появление у столичных чинов крупного землевладения в удаленных от столицы уездах, распад служилых городов и установление личного характера службы дворянства» (т. 1, с. 23). Итогом стало фактическое отсутствие на протяжении большей части XVIII в. местных территориальных дворянских корпораций, которые были воссозданы екатерининской реформой на базе новых уездов и губерний и уже на новых началах, а потому реформа задумывалась и проводилась без консультаций с местными сообществами (т. 1, с. 23-24).

Это наблюдение Д.А. Хитрова заслуживает самого серьезного внимания – возможно, следует отметить только еще одно обстоятельство: весьма вероятную значительную потребность в таких корпорациях в связи с процессом «оседания» дворян в уездах и активного усадебного строительства после манифеста «о вольности дворянства». Вероятно, этот процесс уже дал первые ростки нового дворянского корпоративизма при подготовке наказов накануне созыва в 1767 г. Уложенной комиссии (что, кстати, отмечает и сам автор – т. 3, с. 203).

Существенной заслугой автора является и выявление и подчеркивание связи между Генеральным межеванием и екатерининской губернской реформой – по мнению автора, одной из причин долговременного сохранения старой уездной системы был учет землевладельческих прав в рамках уезда, но Генеральное межевание ликвидировало его, а потому «только с началом Генерального межевания, создавшего совершенно новый, независимый от делопроизводственной традиции Вотчинной коллегии и ее архива, комплекс документов, определяющих землевладельческие права, возникли предпосылки для изменения уездных границ» (т. 3, с. 203).

В конечном итоге исследование Д.А. Хитрова далеко выходит за рамки анализа результатов екатерининской губернской реформы – в сущности, речь в нем идет об общих направлениях развития административно-территориальной системы в целом, на протяжении по меньшей мере двух – двух с половиной столетий, и о комплексе факторов, определяющих их.

Нашим наиболее существенным замечанием является, пожалуй, оценка как слишком категоричного утверждения автора, о том, что прежняя уездная структура стала результатом «проведенных в разное время государственных размежеваний» (т. 3, с. 201). На наш взгляд, это утверждение по меньшей мере спорно: если для новых уездов, возникающих в процессе колонизации в XVII в. оно несомненно и подтверждается фактами, то для старых – проблематично (там, возможно, просто фиксировалась граница составлявших их основу прежних княжеств и других территориальных единиц), тем более, что у нас нет источников, подтверждающих или опровергающих это, а сохранившиеся писцовые описания (за исключением новгородских земель) восходят по преимуществу в лучшем случае к концу XVI в. и не исследовались с этой точки зрения.

Работа выглядит внешне несколько перегруженной картами и таблицами и местами излишне дробной, но мы понимаем, с насколько сложной задачей организации материала столкнулся автор, которому нужно было проанализировать более 220 объектов исследования (первоначальных уездов), к которым надо добавить еще полсотни губерний и провинций, а также принципиально изменившуюся картину еще большего количества административных единиц после реформы (в общей сложности явно более 600).

Подводя общий итог, мы не можем не констатировать, что потребовавшая двадцатилетнего труда диссертационная работа Д.А. Хитрова является глубоко фундированным серьезным научным исследованием, а его результаты и построенные автором карты имеют фундаментальную ценность и, как мы надеемся, будут долго еще востребованы наукой, дав толчок

целому ряду исследований и позволив с новой, порой неожиданной, точки зрения взглянуть на социальные, экономические, демографические, этнические и иные проблемы и процессы, связанные с историей нашей страны.

Основные положения работы автора отражены в необходимом количестве статей, соответствующих требованиям ВАК и Ученого совета МГУ (20 статей) и в большом количестве других публикаций, а также в должной мере апробированы в выступлениях на международных и российских конференциях.

Автореферат полностью соответствует диссертационному исследованию. Диссертация Д.А. Хитрова отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.1. Отечественная история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, она оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, **Хитров Дмитрий Алексеевич** несомненно заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Официальный оппонент:

Профессор кафедры гуманитарных и
естественнонаучных дисциплин

Липецкого филиала

ФГБОУ ВО «Российская академия

народного хозяйства и
государственной службы
при Президенте РФ»,

Н.Н. Петрухинцев

6 мая 2025 г.

Контактные данные:

тел.: +7 (4742) 27-39-48, e-mail: nicpetrukhintsev@yandex.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена
диссертация: 07.00.02 – Отечественная история.

Адрес места работы:

Липецкий филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», кафедра гуманитарных и естественнонаучных дисциплин,
профессор

Тел.: +7 (4742) 27-39-48, e-mail: klokova-in@ranepa.ru

Подпись Петрухинцева Н.Н. заверяю:

наименная отделе кадров и правовой работы

Клокова А.А.

Петрухинцева Н.Н. заверяю.

и директор Ш.Ш. Ширбаева Н.Н.